

ДАНИИЛ КИСЕЛЁВ

Я ЖДАЛ ВЕСНУ

**СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ**

18+

Даниил Киселёв

Я ждал весну

«Автор»

2026

Киселёв Д.

Я ждал весну / Д. Киселёв — «Автор», 2026

Денис пишет любовные письма от имени женщин, которых не знает, и влюбляется в одну из них. В ту, которую сам придумал. С реальными людьми всё сложнее. Окружающие требуют от него преданности, любви и нечестности, а он всё отчаяннее уклоняется — от всех и от всего. Роман о человеке, который защищает своё право ничего не выбирать.

© Киселёв Д., 2026

© Автор, 2026

Даниил Киселёв

Я ждал весну

Глава 1

Я ЖДАЛ ВЕСНУ
ДАНИИЛ КИСЕЛЁВ
ГЛАВА 1

Or you walking out of the bathroom, naked
Without seeing me
Charles Bukowski

Глава

1

Когда я с улыбкой, почти по-хозяйски, зашёл в кабинет и объявил, что хочу на Кавказ, военком начал заикаться. Ладно, шучу: он уже был заикой. Но здесь от неожиданности так растерялся, что только сидел и мычал.

— П-паээ-п-паээ...

Он навалился грудью и упёрся руками в грязно-жёлтую крышку советского конторского стола, будто хотел подняться, но так и замер. Только обшаривал меня своими выпученными глазами. Он, может, никогда и не видел дурака, который, едва получив диплом, бежит в обшарпанный, пропахший юношеским страхом деревенский военкомат и просится в армию.

— П-паэшёл аатсюда! — Наконец, выговорил он и моргнул.

Диалог был коротким, но небыстрым: сказка быстро сказывается, только если рассказывает её не военком (интересно, у него есть дети?).

— Я хочу на Кавказ.

— Ты мне будешь нужен для другого.

— В Америку отправите шпионом?

— Т-ты, бл... — Он нервно замотал головой и пробежал глазами по столу. Наверное искал, чем в меня кинуть. — Т-ты сди ровно, Тамило, п-понл, бл? К-когда буит н-надо, в-вызв.

Так и не позвонил. А я ведь готовился! Вынул из уха серьгу, курить бросил. Но моя Нокиа молчала. В последний день июня я позвонил сам. Призыв окончен, сказали мне. Жди осени.

Глава

2

Искать работу на пару месяцев смысла не было. Весь июль я копался в огороде, бегал по кроссы, отжимался, подтягивался, рано ложился и рано вставал.

Время тянулось, как засахарившийся мёд.

В начале августа я взял у соседа-рыбака палатку, рюкзак, и вышел на трассу с поднятым вверх большим пальцем — хотел хоть как-то ускорить приход осени. И в городе К. встретил Валерию.

Проезжавший Аккорд окатил меня из грязной лужи. Водитель остановился. Из машины вышла девушка в восточных штанах с мотнёй до земли и топе с кислотной надписью Infected Mushroom. Начала извиняться. После полутора суток в пути, уставший, голодный и невыспавшийся, я не очень-то с ней любезничал, но её это не смутило. Она предложила поехать к ним и постирать одежду. Я согласился. Кинул рюкзак в багажник и, мокрый и грязный, плюхнулся на заднее сиденье Хонды. За рулём сидел парень моего возраста. Он с интересом посмотрел на меня в зеркало заднего вида и приветливо кивнул. На переднем пассажирском сидела пухленькая девушка с отсутствующим взглядом и безвольной улыбкой. Девушка в восточных штанах уселась рядом со мной. Она пахла цветочной свежестью.

— Лера, — она посмотрела мне в глаза и протянула руку. Тонкое запястье было увешано звонко цокающими браслетами.

— Денис.

От соприкосновения по всему телу пробежала электрическая волна, и вслед за ней моя кожа покрылась мурашками, от жопы до самого затылка.

— Это Влад и Яна. А ты откуда?

— Из Барнаула.

— О, так я тоже. Приехали вот на фест, — и она оттянула нижний край топа, показывая мне надпись.

Она продолжала болтать, а я не слушал. Я хотел только ещё раз прикоснуться к её коже. И спать.

Мне постелили на полу, и едва закрыв глаза, я провалился в темноту без сновидений.

Она в шутку обращалась ко мне «мон шер», мы гуляли босиком под тёплым дождём августа, а вечера проводили в барах, где под весёлую Кэти Пери, поцеловавшую девочку, морщились от текилы и слизывали соль, насыпанную между большим и указательным пальцами, она — с моей руки, я — с её, а по ночам засыпали в обнимку, сначала в К., а после — в палатке на берегу озера О. Я гладил её густые рыжие волосы и чувствовал себя счастливым.

Это не была влюблённость или страсть, тем более это не было любовью. Это не было даже увлечением. Это была свобода жизни, похожая на раскрашенный яркими, но приятными глазу, красками сон под тяжёлым уютным одеялом. И среди морфеевых чар я вдыхал и свежий запах мокрого асфальта, кое-где уже усыпанного жёлтыми листьями, и сухую пыль междугороднего шоссе, ощущал вкус губ Леры и свежих булок с сосисками из придорожного ларька; подушечками пальцев касался упругой белой кожи, покрытой от возбуждения крупными мурашками, слышал резкие звуки автомобилей, мерный шум баров и плеск волн в темноте сибирской ночи. Впоследствии такие моменты кажутся выдумкой, мреющим над пустыней миражом, но они оставляют в душе смутное ощущение ностальгического тепла. Теперь те дни кажутся мне далёкими и нереальными. И когда среди сырых зябких ноябрей я вспоминаю о них, по груди расплывается то самое тепло, которое уже никогда не испытать вновь.

Мы приехали в Барнаул вместе. Я чувствовал, как близость осени стирает очарование прошедших дней, ещё немного — и всё станет привычным. Если не прервать этот сон сейчас

и дать ему перетечь плавно в размеренные будни, краски смажутся, а значимость его уменьшится настолько, что воспоминание об этих неделях августа растворится в памяти и станет неотличимо от ежевечерних покупок молока, хлеба и круассанов в ближайшем супермаркете.

— Я завтра уеду, — сказал я.

— У тебя ещё целый месяц.

Я поджал губы и несколько раз мелко кивнул.

— Нужно помочь матери.

При расставании мы почти не говорили.

— Ты ещё приедешь?.. — Не то спросила, не то утвердительно сказала она.

Я пожал плечами.

Мы обнялись, и эти объятия были похожи на прощание Фродо и Сэма, двух родственных душ, разделивших великое приключение и знающие, что расстанутся навсегда, но с тихой надеждой всё же когда-нибудь увидеться вновь.

Убийственная скука снова сводила с ума. Не то чтобы я рубаха-парень и душа компании — скорее наоборот, но мне нравится иметь возможности. Большинство из них я не воспользуюсь: я не буду каждую неделю ходить в кино, мне не нравятся клубы, я не люблю кафе и рестораны... Но хорошо знать, что всё это рядом и в любой момент доступно.

К тому же я скучал по Валерии; вернее, по тем беззаботным дням, которые мы провели вместе, но их уже не вернуть, а Валерия — живой кусочек той летней жизни. Её низкий глубокий голос с небольшой хрипотцой совершенно не вязался с её внешностью. Но такой голос западает в память. Как и весь её образ рыжеволосой белокожей красотицы с пронзительными зелёными глазами, такими блестящими и развратными, когда она напивалась.

Я позвонил ей одним вечером. Незнакомая тётя скрипуче сообщила, что абонента в сети нет. Меня охватила ревность, для которой не было причин.

Но меня тянуло к Лере. Пусть всего на несколько недель или дней.

Полупустой автобус привёз меня в город и высадил возле здания автовокзала. Часы моей раскладушки показывали девять утра. Я зашёл в ближайший магазин советского типа.

— Вог с ментолом.

— Что ещё? — Продавщица выжидательно подбоченилась.

— Ммм... Ананас.

Идея заявиться в гости с ананасом мне показалась забавной.

Город изменился, стал серым и ветреным; я люблю осень, она — наглядный пример смерти и увядания, за чем неизменно следует новая жизнь. Ждать лучшего всегда интереснее, чем иметь это: ожидание даёт простор фантазии и мечте.

Я зашёл в цветочный, купил небольшой букет из белых роз на длинном стебле, с которых при мне обломали все шипы.

Пока шёл к нужному дому, сам себя спрашивал, что скажу при встрече. Строил в мыслях витиеватый ответ (это я умею — много наговорить, не сказав при этом ничего толкового), но так ничего и не придумал.

Из подъезда вышел мужик, и я проскочил внутрь. Пешком поднялся на пятый этаж. Квартира пятьдесят четыре.

Сова, открывай, медведь пришёл.

— Привет.

— Привет. — Лера не удивилась. Немного заспанная и растрёпанная, она стояла в дверном проёме, придерживая дверь. Затем посторонилась, пропуская меня в квартиру. Я разулся, протянул ей фрукт и букет.

— Ананас?

— Я думал, ты любишь. — Я повесил куртку на вешалку, закинул рюкзак в гардеробную. Кровать в спальне не заправлена, одеяло валяется на полу.

— Не особо, — донёсся её голос.

— Буду знать, — сказал я, заходя в кухню.

Из телевизора над холодильником одноглазый пират спрашивал, кто проживает на дне океана. Я кинул сигареты на стол. Лера нажала кнопку на чайнике, и пока он закипал, щёлкала каналы. На Первом учили готовить вкуснятину, на MTV Кэти Перри продолжала целоваться, на «Культуре» усатый дядя пел про мохнатого шмеля, «РЕНТ-ТВ» пугали пришельцами, а на «России» шло «100 к 1»... Вернулись к мультику. Лера налила мне кофе и закурила. Зашумела вытяжка.

— Ты на долго?

Она стояла ко мне спиной. На голове небрежная гулька. Лямка топика съехала с плеча. Табачный дым улетал в вытяжку. Пахло утром, кофе и сигаретами. До щекотки в ладонях захотелось обнять Леру сзади и поцеловать в открытую шею, покрытую тонкими волосками. Но я только тихо вздохнул — было жаль разрушать волшебную картину.

— Хах. Пока не выгонишь.

Повисло неловкое молчание.

— И что ты собираешься делать? — Она посмотрела на меня через плечо.

— Ждать.

И снова лишь писклявый голос Спанч Боба, шелест вентиляции и глухой звон уже пустой кружки, которую я поставил в раковину.

— А зачем, — она резко повернулась ко мне, — тебе вообще *туда*? — Столько негодования было в её голосе! — Мм? Многие мажут, а ты сам просишься.

Я мог выдать ей целый философский монолог, но тональность его смыслов не срезонировала бы с взволнованностью Леры и всей эротикой того утра.

— Хочу.

— Д...

Лера повернула ручку крана, затушила сигарету под струёй воды, бросила её в мусорное ведро под раковиной, вымыла кружки, вытерла руки кухонным полотенцем и присела на край столешницы, подложив руки под ягодицы. Рассеянно посмотрела на свои ноги в мягких тапочках, потом на меня.

— Я... У меня был мужчина.

Внутри неприятно кольнуло.

— Я напилась, а он... Это я. Сама. Не он. — Её глаза помутнели, словно в них задёрнули тюлевые занавески, но говорила она твёрдо.

— Ты мне ничего не должна.

— А я чувствую, будто предала тебя.

— Значит, больше так не делай.

— Теперь ты здесь. Теперь ты со мной. — И тихо, даже печально, добавила: — Но если ты уйдёшь, ждать я тебя не стану.

Глава

3

Мы просыпались не раньше одиннадцати. Завтракали. К обеду Лера уезжала на учёбу, а я был предоставлен сам себе. По вечерам мы смотрели фильмы, обсуждали книги, нового президента и соседа-алкаша, который то и дело устраивал концерты на весь двор и грозился убить свою сожительницу.

Леру постоянно кто-то куда-то звал, иногда мы встречались с её многочисленными друзьями-приятелями. Большинство из них казались мне плоскими и ничуть не интересными, поэтому я в такие моменты в основном молчал. К тому же я не желал заводить хоть какие-то привязанности, обречённые в скором времени на обрыв.

Так или иначе, наш каждодневный досуг, каким бы он ни был, редко обходился без спиртного. Но уже после первой дозы алкоголя Лера становилась неприятной, шепутной, злой и распутной. Порой она вела себя откровенно мерзко, однако я не считал себя в праве ставить ей какие-либо запреты. Я не напивался при ней, потому что, во-первых, я всё ещё готовился к армии, а во-вторых, кто-то из двоих обязательно должен быть способен мыслить здраво.

Как-то, в самом конце сентября, я встретил Леру возле университета. Было ветрено, начал моросить дождь, уже стемнело, но мы всё равно прогулялись в парке, а после зашли в кафе, заказали кофе и круассаны с шоколадом. Вернулись домой, посмотрели телек и приняли совместный душ. Лера допила остатки вина и ей захотелось ещё.

Ряд круглосуточных ларьков, торговавших алкашкой, сигаретами, презервативами и прочими важными вещами, могущими понадобиться ночью, находился недалеко, нужно было лишь пересечь двор и перейти проспект. На освещённом пятачке возле этих ларьков стоял милицейский бобик. Я замешкался, мент это заметил, поэтому я подошёл.

— Добрый вечер, — представился мент. Он внимательно осмотрел меня. — Вы куда?

— Сиги нужны.

— Ну давай документы посмотрим.

— Дома оставил. Пойду схожу за ними.

— Где были последние два часа?

— Дома.

— Про пистолет что можете сказать?

— Ничего, у меня была в детстве воздушка.

Он открыл заднюю дверцу бобика:

— Проедемте в отделение.

Там уже сидело двое, оба в шапках красного цвета, как и мой накинутый на голову капюшон.

Нас привезли в отделение, взяли отпечатки пальцев, допросили. Из всего я понял, что в нашем районе кого-то застрелили из украденного пистолета. Свидетель указал, что преступник был в красной шапке. Я сказал, у меня нет шапки, мне сказали заткнуться.

Нас посадили в обезьянник и закрыли решётку. Я позвонил Лере:

— Хьюстон, у нас проблемы.

Она отреагировала эмоциональней, чем я ожидал, и начала высказывать мне претензии в адрес ментов. Я сказал, что навряд ли меня продержат долго, но она не унималась.

— Харош пиздеть! — Окрикнул дежурный. Я нажал «отбой». Он забрал у нас телефоны, «чтобы не отвлекали его от дел».

Так. Сначала снять с предохранителя. Справа он или слева? Как выглядит? Наверное, как кнопочка или затычка. Ну, не так уж много на стволе чего-то такого, можно разобраться

по ходу. Всё? Можно стрелять? Его же ещё чистят, смазывают. Разобрать, потом собрать... Да, вояка я знатный.

Может, это и хорошо? Я читал, лишь немногие способны убить человека, и даже во время реального боя многие специально стреляют мимо. А у того, кто намеренно метит в живое тело врага, с головой непорядок, такие и в мирной жизни потенциальные душегубы. А бедняге не повезло, застрелили в трёх шагах от дома, ему ни на какую войну даже ехать не пришлось.

У дежурного затрещал телефон. Даже мне был слышен ор Леры.

— Алиби, блять! — Кричала она в трубку. — По какому праву...? Мы телевизор смотрели, знаете какой фильм? Знаете? Вот спросите у него и я скажу, и вы поймёте, что у него алиби! Обычные подозреваемые фильм! Я беременная, а вы меня заставляете нервничать! Если что-то случится, я вас засужу! Отпустите его! Алиби у него! Алиби!

И всё в таком духе.

Действие это возымело в основном психологически-деморализующее, после разговора дежурный как-то даже физические сник-поник. Но выпустили нас всё равно только в шесть. Я вышел из отделения и увидел наряд, привёзший меня сюда.

— А вы меня отвезёте туда, где взяли?

Мент фыркнул и загоготал, запрокинув голову.

— Иди уже домой, красная шапочка.

Под всё ещё морозящим дождём я доплёлся до места, где несколько часов назад меня сцапал серый волк, купил пачку «Честерфилда», зажигалку и, стоя под навесом ларька, закурил.

Был однако в этом её алкогольном безумии поведении один относительно положительный момент: секс. Она просила меня душировать её, обездвиживать, унижать, пороть ремнём. На фоне этих ночных гонок все предыдущие мои совокупления выглядели пресными, ничтожными, лишёнными широты. Засыпали мы в такие ночи под утро, опустошённые, потные, источающие уже ощутимый сладковато-тошнотворный запах перегара. У нас совершенно не оставалось сил на искренние разговоры о нас. В другое время мы, не сговариваясь, обходили эту тему, хотя я боялся, что однажды она спросит, а она, я уверен, боялась спросить, чтобы не получить неприятного ответа.

Глава

4

Ранний снег валил два дня и две ночи. Было очень спокойно и тихо.

Днём завибрировал телефон, на экране высветилось: «в-военком».

— П-повезло тебе. М-место п-пьявилось. С-собирайся.

Сердце заколотилось как бешеное. Я открыл рот, чтобы спросить, какое место конкретно, но закашлялся, не то от волнения, не то ещё от чего.

— Т-ты чё, бл, б-болеешь?

— Нне, не...

— Т-ты меня п-пдставишь, бл. С-смотри, Т-тмило. Вс-сбботу в-восемь. П-понял?

В горле пересохло, тело напряглось. У меня даже промелькнула мысль выбросить симку и зашкериться.

Я не знал, как прощаться с Лерой, что ей говорить и как себя вести при расставании, поэтому просто оставил записку:

Пора.

Вещи можешь выкинуть.

Д.

Мне было хорошо с тобой.

Уж наверняка найдётся, кто скажет, что я поступил гнусно, по-женски, с прицелом на то, чтобы проверить, как поведёт себя Лера. Но расставаться я не умел.

Два последних года учёбы я прожил с Олесей, пять месяцев из которых я потратил на то, чтобы она меня разлюбила, потому что самому мне не хватало духу открыто признаться ей в угаснувших чувствах. И я или просто отмалчивался, или старательно вызывал отвращение, притворяясь сволочью (судя по всему, очень успешно).

В июне, незадолго до защиты диплома, после затянувшегося празднования победы нашей сборной России над всемогучей Испанией, я вернулся в комнату общаги, где мы обитали не совсем законно. Олеся неподвижно сидела с прямой спиной. Очень серьёзно и немного грустно она посмотрела на меня сквозь стёкла очков.

— Я изменила тебе...

Кажется, она сказала это не категорично, а с надеждой. Я мысленно выдохнул с облегчением.

— Собирай вещи и уходи.

— Я же говорила! предупреждала! Мне нужна ласка, разговоры... — Она заплакала. Некоторых женщин слёзы делают красивее.

— Не люблю разговоры. — Мне стало её жаль, и я вышел, чтобы не поддаваться соблазну обнять её и успокоить.

К вечеру шкаф и полочка с косметикой были пусты, комната выглядела голой и необжитой, а я почувствовал лёгкость.

Вечером Лера прислала смс, состоящей из одной точки.

На призывной пункт я явился с заложенным носом и температурой тридцать девять. Анализы крови показали слишком много лейкоцитов. Лейкоциты — моя дружины, мои боевые товарищи, моя личная гвардия, в тот день они сражались не только с вирусом, но и со всей военно-призывной системой Российской Федерации. И одержали безоговорочную победу.

Военком грустно сказал:

— К-как же ты з-заебал, Тмило. Ф-фсё, иди. — И добавил. — Й-йязыковед, бл.

Я вышел в октябрьскую хмарь и неожиданно для самого себя заулыбался. Тело стало лёгким, почти невесомым. Пахло мокрой грязью, и я жадно раздувал ноздри, как будто нюхал сирень. Снег продолжал сыпать крупными хлопьями, он хрустел под ботинками, а я радовался, как от щекотки росатой муравы на голых стопах.

Я вернулся в город.

Лера сказала:

— А зачем ты звонишь в домофон? Ты же ключ забрал.

И возникло ощущение, что я пришёл домой.

Моя одежда была аккуратно сложена в шкаф. Снег прекратился, в местных новостях только и говорили об аномально обильных осадках. Через два дня от моей простуды не осталось и следа. Я ходил по квартире и то и дело брал в руки телефон, находил в контактах номер военкома, но так ни разу и не нажал кнопку с зелёной трубкой.

Глава

5

Я составил резюме, в графе «желаемая должность» указал «переводчик», выложил на работном сайте. На следующее же утро позвонила девушка, весёлым и визгливым голосом (слишком весёлым и слишком визгливым) пригласила на собеседование к шести вечера.

На входе в БЦ меня встретила Алина, бывшая одноклассница Олеси. О ней я знал лишь то, что она очень любила мужские компании, но виделись мы нечасто и всё наше общение ограничивалось малозначительными приветами. Алина улыбнулась мне своим большим ртом и провела меня в офис.

У окна в дальнем конце кабинета сидела толстая армянка. Пухлыми указательными пальцами она сосредоточенно тыкала в клавиатуру ноутбука. Налево от двери, в маленьком кожаном кресле белого цвета сидела ботексная мадам лет сорока в строгом чёрно-белом костюме. Она пила кофе из малюсенькой чашечки, как в бразильских сериалах.

— Это Денис, мы учились вместе, — представила меня Алина. — Это Вероника Игоревна, директор.

— Драсьте.

— Здравствуйте, Денис. Садитесь, пожалуйста, — глазами она указала мне на второе креслице.

Вкратце обрисовала суть:

— Мы переводим личные переписки между мужчинами-иностранцами и нашими девушками. Помогаем людям найти своё счастье. Работа очень интересная. Особенно когда пары встречаются вживую.

Вероника Игоревна говорила спокойным покровительственным тоном, для пафоса немного растягивая гласные.

— У нас лучший сотрудник переезжает, — армянка за столом кивнула, — Алина увидела вашу анкету на сайте, сказала, вы способный и не отличник.

Я пожал плечами.

— Не люблю отличников. Такие, как правило, зубрят. А троечники ищут варианты, как...

— Я меня нет троек.

Она помолчала.

— Работаем с девяти до пяти. Зарплата состоит из оклада, четыре тысячи, и премии за выполнение плана. Первый месяц испытательный.

Звучит так себе, но в качестве временного пристанища сойдёт.

Вероника Игоревна сварила кофе, налила его в такую же чашечку, из которой пила сама, только с другим рисунком, поднесла мне на блюдечке и предложила сделать тестовое задание.

Мне показали фото пышной длинноволосой блондинки с надменным взглядом.

— Напиши от её имени сообщение, при помощи которого она могла бы вступить в переписку с незнакомым мужчиной.

Мне не понравилось, что меня сразу же проверяют. Я представил себя пышной длинноволосой блондинкой и на отвали написал:

I do know I'm pretty and classy. Too many men tried to tame me, most failed. But I've accidentally come across your profile and... doesn't matter. What's your next move gonna be?

Алина перевела начальнице текст, обе хихикнули.

Я нанят. Выходить завтра же.

— Где помыть...

— Алина помоеет. До завтра, Денис.

Глава

6

Я пришёл в 8:45. Возле турникета стоял очень крутой охранник, охранявший все эти офисы и охреневший от своей важной работы.

Естественно, он меня не пропустил. Я даже не вспомнил номер офиса. Пришлось ждать. Алина явилась через десять минут. Под бдительным взглядом очень крутого охранника взяла ключ, вместе мы поднялись на второй этаж, на двери висела цифра «8». Алина сразу же сняла зимние сапоги и надела туфли на высоком каблуке. Вэ И, как называли за глаза Веронику Игоревну, впорхнула в свои владения ровно в девять.

Мне выдали рабочий ноутбук Vaio, белый и блестящий.

— Денис, возьмите себе привычку начинать день правильно, — тянула Вэ И. — Сварите кофе, посидите спокойно, полистайте журнал.

На стеклянном столике лежала пачка свежих Эль, Гламур, Космо и им подобных.

— Найдите интересную тему, подумайте, как её подать... И только потом принимайтесь за письма.

Звучит нетрудно. Только я пока не уловил, на кой мне читать женские гламуры.

Быстро справился с пунктом №1 и вышел покурить. Когда вернулся, Вэ И сказала «фу» и сморщила свой носик-ринодик.

На ней короткое пышное платье с рукавами-буфами и низким декольте, на голове бант, как у жены Микки Мауса. Сколько ей лет в действительности?

Мне показали сайт.

— Здесь иностранцы знакомятся с русскими девушками. —

Начальница в притворной улыбке растянула пухлые губы. — Как хорошо, что у нас снова работает парень! — Она достала мягкую салфетку и начала протирать невидимую пыль на своём Blackberry. — Работал один, но год назад уехал в Германию на пмж.

Она села на белый кожаный диванчик.

— Но такая у нас работа интересная, такая интересная! Нн почти три месяца откладывал переезд. Представляете, Денис?

Ага, конечно.

— Мужчины платят от пяти до двадцати долларов за открытие каждого письма. Чем больше поклонников у девушки, тем каждое письмо дороже. А у нас такие красивые девушки, такие красивые... даже красивее итальянок. Вы, Денис, сами скоро увидите. Половина суммы идёт сайту, половина агенству.

Она открыла финансовую страницу сайта. Общий баланс за день, неделю или месяц, сколько писем от какой девушки и за какую цену было открыто. В строчке «total» висело жирное число \$6,159. А ведь не прошло и половины октября.

— У каждого сотрудника есть план.

— Я думал, планы на заводах. И в продажах.

Начальница резко сменила тон.

— Вся наша жизнь — продажа. — Отрезала она. И добавила, снова сладко растягивая гласные: — Главное продать подороже. Мы наших девочек продаём очень дорого.

Я, наконец, спросил:

— А где брать письма для перевода?

— Ё, — ыкнула Алина и заулыбалась, преданно глядя на Вэ И. Та посмотрела на меня как на дебила, но спокойно ответила:

— Денис. У нас девушки очень занятые. Поэтому они просят нас писать письма вместо них.

Вон оно как!

Она достала из маленького сейфа в углу толстую папку и протянула мне.

— Подробные анкеты.

Возраст, рост, вес, отношение к курению и алкоголю плюс требования к потенциальному партнёру, состоявшие из таких же пунктов. Негусто.

На первый месяц работы мне назначили план три тысячи долларов. Это значило, что «переведённых» мной писем должны открыть на шесть тысяч. Вэ И отдала распоряжение Алине «показать мне всю механику и красоту работы», поговорила с кем-то по своему Blackberry, вытерла с него пыль и уехала.

Новоиспечённая коллега выделила мне десять профайлов не самых привлекательных внешне женщин и оторвала от сердца раскрученную анкету:

— От сердца отрываю, — она улыбалась слишком широко. Её глаза были накрашены слишком ярко. — Только на одной Ане можно сделать тысячу.

Я ввёл логин-ник Sweet_minx и пароль, открыл страницу Ани.

22 года

171 см

48 кг

Курение: отрицательно

Алкоголь: отрицательно

Хобби: танцы, балет

В разделе «О себе» было указано на корявом английском, что она самодостаточная девушка из хорошей семьи, в мужчине ценит обаяние, умение заботиться и щедрость.

В анкете было всего два фото. На первом — стройная девушка с длинными русыми волосами и неплотно сжатыми губами. Её серые глаза смотрят прямо в душу. На другом снимке она в балетной пачке растягивается у станка. Её голова повернута в сторону камеры — в мою сторону, но, кажется, не обращает на меня никакого внимания, будто бы меня и нет. И этот её взгляд мимо меня как будто создавал пространство, в которое меня тянуло. Если бы в анкете был её номер, я бы тут же позвонил ей. Может быть, я бы действительно так сделал, но контактов в анкете не было, и я просто смотрел на фото как замороженный.

— Алин, а к этой кто-то приезжал?

Алина подошла сзади и наклонилась к ноутбуку, моё плечо упёрлось в её грудь. Она явно перебарщивает с духами.

— Ещё нет. Она вообще странная. Вытягивай, у неё есть кому приехать.

Я просмотрел переписки. Четверо постоянных клиентов, самый активный — Крис Мякеле. Финн. И у этого финна чёрная кожа. И его свежее письмо, в котором он спрашивает о возможности личной встречи.

Играл свежий альбом Tricky, комнату освещало только мерцание монитора. Голова Леры лежала на моих коленях. Я гладил её густые волосы и рассказывал о харизматичной скотине по имени Дэнни Скиннер из книги Уэльша, которую прочёл незадолго до того.

— Да ты как он — энергии много, а не знает, чем себя занять и куда себя приткнуть.

Я внутренне согласился.

— Неправда.

— Правда. А между прочим, всего за один день человек способен изменить свою жизнь.

— Ага, расхожая фраза. Но чтобы чё-то изменить, надо знать, что. Мне нечего менять — я пустой.

— Ты не пустой. Ты просто... Если не знаешь, куда идти, хотя бы пойми, от чего ты хочешь убежать. — И очень тихо (очень, едва слышно) добавила: — Как я.

— Ты о чём?

— Я подумала, ты должен знать, — на выдохе сказала она.

— О чём?

— Обо мне, — прошептала она и замолчала. Я ждал. — Раньше... кхм. Раньше у меня было другое имя.

Я хотел сморозить глупость, пошутить, обычная моя реакция, когда речь заходит о чём-то сокровенном. Не от безразличия, просто разговоры о серьёзных вещах смущают меня, я не знаю, как на них реагировать. Но только спросил:

— Какое?

— Это неважно.

Она подняла голову, села, повернувшись ко мне всем телом, поджала колени к груди и обхватила их руками.

— Четыре года назад... я же не отсюда, ты знаешь. Четыре года назад, я тогда только поступила на первый курс, меня пытались изнасиловать. — Она говорила медленно, отстранённо, но довольно спокойно. Мне показалось, она боится моей реакции, боится шокировать меня, поэтому подбирает слова, а не от того, что ей сложно говорить на эту тему.

— Он повалил меня на землю, одной рукой сильно держал за горло, второй шарил под юбкой. Я начала отбиваться и кричать, а когда он порвал на мне колготки и залез туда пальцами, я поняла, что всё равно ничего не смогу поделать, и решила, пусть уже закончит поскорее и оставит меня в покое. Я замолчала и лежала неподвижно. Он начал меня душить сильнее и всё повторял: «Кричи, сучка! Кричи громче и дёргайся!», а я продолжала лежать, как труп. И у него не получилось. — У неё дёрнулся уголок рта.

— После этого я забрала документы из универа, продала квартиру и сменила имя. Валерия — значит «сильная, выносливая». Переехала в Барнаул и поступила на филологический. У меня началась новая жизнь.

Душу раскрывала она, а маленьким и беззащитным чувствовал себя я. Я бегал глазами по комнате. Мне было бесконечно жаль эту девочку — и одновременно с этим я был абсолютно беспомощен. Можно подумать, я мог её как-то защитить.

— Но я была одна. Мне кажется, мать только и ждала, когда мне исполнится восемнадцать, чтобы избавиться от обузы и свалить за границу со своим кхахалем, — на последнем слове она скривилась. — А других близких у меня и нет.

— Одна... — Пробормотал я.

— Да. А ты не один. У тебя есть мама. — И совсем уже тихо добавила: — И я.

Я обнял Леру. Сидеть мне было неудобно, начала затекать нога, но я не шевелился. Молчание тяготило. Я *пытался* найти какие-то слова, я чувствовал, что *должен* что-то сказать или сделать, но...

Лера пошевелила плечами, стряхивая свинцовое состояние и повернулась ко мне жаркими губами. Обхватила за шею и потянула за собой, откидываясь на спину. Я так жалел её в тот момент, а в голове был такой сумбур, что у меня ничего не получилось.

— Не переживай, — сказала Лера. — Я рада, что теперь ты всё знаешь. Давай, у нас не будет секретов?

Я поджал губы и кивнул. И сам собой передо мной возник образ смотрящей мимо меня Ани. И в темноте комнаты нас было трое: я, Аня, для которой меня не существовало, и Лера, которой в тот момент не существовала для меня.